

А. Баранов

Борьба за хлопок на идеологическом фронте Средней Азии¹

Общие замечания

Проблема хлопка — это не только проблема средне-азиатская. Занимая в общесоюзном хлопководстве в 1930 г. по посевным площадям почти 75%, Средняя Азия является основным районом, специализирующимся как хлопковый район. И именно по вопросу о его специализации разгоралась с особой остротой классовая борьба. Бай-манапские элементы кишлаков и аулов под идейным и практическим руководством буржуазно-реставраторских кругов специалистов и научных работников бешено сопротивляются этой специализации. Выражением классово-враждебного выступления, очень искусно прикрытого «научной разработкой вопроса» и т. п., является работа по сельскохозяйственному районированию, предпринятому Экономическим научно-исследовательским институтом при САГУ, позднее реорганизованным в Институт экономических исследований при Средне-азиатском Госплане. Имеющиеся материалы по сельскохозяйственному районированию свидетельствуют об исключительно благодушном отношении к содержанию экономических исследований, осуществляемых и руководимых реакционной профессурой. Тот факт, что, помещая статьи буржуазной профессуры в органе средне-азиатского Эконо², редакция журнала, сделав ничего не значащее примечание, не ориентировала читателей о внутреннем классовом смысле их работ, также свидетельствует об остром неблагополучии на участке идеологического руководства экономическими исследованиями. Лишь поздней осенью 1930 г., когда первый этап работы был фактически завершен, когда классовый враг слишком ясно ставил точки над и, начала постепенно разворачиваться борьба за марксистско-ленинское руководство в этой области.

Вопросы сельскохозяйственного районирования — это вопросы места Средней Азии, ее экономики в общем народнохозяйственном плане СССР. Вопросы сельскохозяйственного районирования — это вопросы общеэкономического районирования, вопросы, которые должны найти свое завершение в генеральном плане как всего народного хозяйства СССР, так и отдельных его районов. Классовая направленность этого районирования предопределяется прежде всего тем, на кого опираться в развитии будущих районов, кто является основной силой, в данном случае в кишлаке. В свое время при Госплане СССР работала комиссия по генплану под председательством проф. Осадчего. Она опубликовала «Общие предпосылки к генеральному плану реконструк-

¹ В основу статьи положено сообщение, которое автор сделал 22/XII на заседании Института эконом. исслед. Госплана СССР.

² «Народное хозяйство Средней Азии».

ции народного хозяйства на энергетической базе на ближайшие 10—15 лет». Авторы изданных в 1926 г. на правах рукописи докладов комиссии, утвержденных президиумом Госплана Союза, считают, что «При освоении орошаемой площади важно опереться на устойчивое крестьянское хозяйство трудового (!—А. Б.) типа. Это изобвист государственное казначейство от необходимости усилению финансировать работы по землеустройству и освоению земель...» и т. д. В своей «Общей характеристике производственного положения района» те же авторы, решительно выступая против хлопковой специализации Средней Азии, считают необходимым взять курс: «1) на развитие в северных районах технических культур помимо хлопчатника... 2) на развитие пшеничных запасок на богаре и подема урожайности таковых на поливных землях и усиления заготовки кормов, учитывая, что Средняя Азия поглощает экспортный хлеб и что в ней даны возможности значительного покрытия собственных потребностей в хлебо-фураже». Эта вредительская попытка деспециализации сельского хозяйства Средней Азии, отголоски которой здесь еще достаточно сильны в течениях за «свой хлеб», раскрывает понятие «устойчивого крестьянского хозяйства трудового типа», на которую собиралась опереться печальной памяти комиссия Осадчего.

По меткому выражению одного из товарищей из Средазгосплана хлопок олицетворяет собой в Средней Азии советскую власть. За хлопок — беднота и середняки; против хлопка, за пшеницу, за расширение товарно-рыночных отношений, за срыв социалистического переустройства сельского хозяйства, за «свою пшеницу», за эмансипацию от ввозного «русского» хлеба, за превращение Средней Азии в замкнутый район — бай-манапские элементы деревни и их вдохновители и вожди из лагеря буржуазных реставраторов. И напрасно т. И. Болдырев эти попытки расширения посевов пшеницы на богаре, эти настроения «перейти на свой хлеб» рассматривает как «увлечение богарой»¹. Это — не увлечение, а правооппортунистическое отступление перед баем и манапом, это — солидаризация с вредителем Осадчим, который пытался подорвать значение этой важнейшей сырьевой базы Союза.

Кулак не только крепко держится за богару, за свою пшеницу. Кулак решительно препятствует расширению хлопковых посевов на богаре и пытается переползти на поливные земли, как это имело место нынешней осенью например в Узбекистане. Кулаку, баю при правооппортунистической растерянности низовых партийных и советских организаций удалось частично сорвать сев и сбор хлопка процентов на 14 в 1929 г. и процентов на 10—12 в 1930 г. По данным статистики Главхлопкома² в 1929 г. по Средней Азии резко снизился прирост хлопковых площадей за счет вытеснения других культур, составивший в 1929 г. 92.900 га против 128.000 га в 1928 г. Снизились также темпы прироста посевных площадей. Так в 1928 г. мы имели прирост на 23,2% (по отношению к предыдущему году), а в 1929 г. только на 14,9%. Товарный сбор сократился с 9,2 до 8,5 ц с га. Но еще более определенно говорят о байском влиянии, о неудовлетворительной работе среди декхан и недостаточной мобилизации бедноты вокруг посевной кампании данные о контрактации и фактическом севе (согласно инструментальному обмеру), выполнение которого снижается из года в год (в тыс. га):

¹ «Хлопковое дело», № 4-5. Статья И. Болдырева — Несколько вопросов хлопководства, стр. 478.

² «Хлопковое дело» № 7-8. Статистические материалы ГХК 1930 г.

	1927 г.			1928 г.			1929 г.		
	Законтрактовано	Засеяно	Процент выполнения	Законтрактовано	Засеяно	Процент выполнения	Законтрактовано	Засеяно	Процент выполнения
Средняя Азия	718,3	642,5	89,4	916,5	791,4	86,3	1.095,6	909,5	83,0
Узб. ССР	470,0	428,8	91,2	596,4	511,9	85,8	704,2	569,9	80,9

А Узб. ССР является основным хлопковым районом в Средней Азии. Борьба между хлопком и пшеницей, борьба между богарой и поливными землями — не случайная борьба. Это — участки ожесточенной классовой борьбы, имеющие, как увидим ниже, свои исторические корни. Борьба против хлопка, борьба против хлопковой специализации, против хлопковой монокультуры в сельском хозяйстве Средней Азии есть попытка сохранить старые методы докапиталистической варварской эксплуатации хлопкового хозяйства, курс на разорение мелких разрозненных крестьянских хозяйств, закабаленных при царизме манапским и русско-колониаторским капиталом.

Мощное социалистическое наступление в сельском хозяйстве Средней Азии опрокидывает все расчеты капиталистических элементов. И если в Узб. ССР план посева хлопка на богарной земле в текущем году был выполнен лишь на 76,0% засеяно из контрактованных земель только 6.578 га), то теперь правительство Узб. ССР намерено довести посевную площадь на богаре до 70.000 га. Выполнение этой задачи возможно при упорной и настойчивой борьбе на два фронта — при преодолении косности и правооппортунистического отношения отдельных работников, при борьбе с право-«левацкими» загибами, разрушающими союз с середняком, при решительной борьбе за марксистско-ленинское идеологическое руководство исследовательскими работами и при подготовке кадров для сельского хозяйства Средней Азии.

Условия работы Средней Азии чрезвычайно сложны. Переплетение национальных особенностей с пережитками старины, своеобразное сочетание различных элементов отдельных формаций — феодализма, капитализма и социализма, культурная отсталость населения, близость границ колоний империалистических держав — все это делает эту работу особенно ответственной.

Путь индустриализации Средней Азии лежит через ожесточенную классовую борьбу. И всякий, кто исходит не из задач социалистического планирования, а из «свободной игры сил», является классовым врагом, вставляющим палки в колеса социалистического переустройства народного хозяйства Средней Азии.

Пути с.-х. исследований в реконструктивном периоде

Исследования в области сельского хозяйства (ограничимся только основными работами в период 1926—1930 гг.) выявляют всю картину последовательного развития буржуазного влияния в методологии планирования народного хозяйства Средней Азии. Наиболее ярким выразителем буржуазной методологии бесспорно является проф. Кожанов, существо «методов» которого заключается в признании лишь стихийных процессов развития сельского хозяйства, где выживают силь-

ные (как мы увидим дальше — баи) и погибают слабые (беднота, полупролетарии). Для более полной характеристики методологии проф. Кожанова приведем его определение типов сельского хозяйства.

В своей работе «От капиталистических отношений к плановому хозяйству»¹ он пишет: «Под типом хозяйства мы понимаем определенную направленность его развития, конкретнее говоря, антагонистическое сочетание определенных производственных систем (систем хозяйства), показывающее, что за счет сокращения одной системы идет усиление другой».

Свое механистическое понимание развития общественных и производственных отношений в деревне он прикрывает «своеобразной» теорией антагонизма культур, теорией борьбы культур, согласно которой более прогрессивные культуры в стихийной борьбе вытесняют культуры менее прогрессивные; на этой основе по его мнению происходит определенная специализация той или иной с.-х. области. Что собой представляет такая установка? Механистическая сущность ее ничего общего не имеет с диалектическим пониманием процессов развития деревни. Вместо диалектических противоречий у Кожанова остается лишь формальное противоречие стихийно борющихся антагонизмов, сохраняется противоречие внешнего порядка, внутренне несвязанных явлений, где единство (в его понимании) покрывается «антагонистическими сочетаниями определенных производственных систем (систем хозяйств)». В этой системе кожановских «установок» неприкрыто сквозит «свободная борьба» двух борющихся классовых сил, в итоге которой и определяется тип хозяйства — «за счет сокращения одной системы идет усиление другой». Усиление какой системы полагал Кожанов — это мы увидим дальше.

Прикрывая свои механистические взгляды в определении типа хозяйства, которые приводят к отрицанию определенного направления в советской системе сельского хозяйства, определенного влияния нашего социалистического строительства на развертывание реконструируемого сельского хозяйства, последователи Кожанова приходят к выводам (в данном случае речь идет о Ниязбекской волости, расположенной около гор. Ташкента), что на смену рисовой культуре приходит хлопок, причем это вытеснение риса хлопком происходит через известные посредствующие звенья, в качестве которых рассматривается и пшеница. Анализируя статистические данные, экономист Архангельский пишет: «Процент хлопка возрастает с 0 до 31,4%. В совершенно обратной корреляции с ним находится рис, падающий от 93,6 до 0,07%. Зерновые находятся в совершенно правильной прямой корреляции с хлопком, увеличиваясь с 1,2 до 42,15%»². Таким образом мы имеем рост хлопковых площадей, рост зерновых площадей в сельском хозяйстве этой волости и резкое падение площадей риса. Какое же место занимают остальные две борющиеся между собой культуры — пшеница и хлопок — и в каком направлении должны развиваться хозяйства, если развертывающийся процесс борьбы этих двух культур рассматривать как логическое последствие изживания монокультурной системы, в данном случае рисовой? Архангельский приходит к выводу, что процесс развития сельского хозяйства идет в направлении прогрессивной хлопково-зерновой системы полеводства, причем зерно служит звеном между старой, отмирающей системой хозяйства и но-

¹ Проф. Кожанов. От капиталистических отношений к плановому хозяйству. 1925 г., стр. 71.

² «Современный кишлак Ср. Азии», изд. Средазбюро ЦК ВКП(б) 1926 г., вып. 1, стр. 25.

вой, нарождающейся¹. Здесь нет классового анализа этой борьбы, социально-классовое существо которой легко обнаруживается при разборе той же цитированной работы «Современный кишлак».

За промежуток времени с 1917 по 1920 г. по Ниязбекской волости наблюдался рост зерновых на поливных землях: в 1917 г. зерновые культуры занимали 16,8% посевных площадей этой волости, а в 1920 г. уже 25,9%, наоборот хлопковая культура, в 1917 г. занимавшая в этой волости 26,4%, в 1920 г. заняла лишь 11,3%. Объясняется ли это антагонистическим сочетанием борющихся хозяйственных систем, где за счет сокращения одной идет усиление другой системы, или мы наблюдаем здесь ярко выраженный процесс классовых сдвигов в деревне? Возьмем состояние сельского хозяйства Ср. Азии в 1920 г. За период гражданской войны оно пострадало меньше, чем сельское хозяйство центральной полосы России, следовательно быстрее могло вступить на путь активного товарно-рыночного оборота. Но на местный рынок выносятся преимущественно не хлопок, а зерно, поэтому по мере перехода к свободному товарному обороту усиливается зерновая продукция сельского хозяйства. Интересно, что эти сдвиги произошли несмотря на то, что с.х. производство вообще сократилось (посевная площадь волости например уменьшилась на 37%). Если принять во внимание усиленный спрос на хлебную продукцию со стороны центральной России, то станет понятным, почему имела место соответствующая передвижка в культурах. Анализируя сдвиги в зерновых и хлопковых культурах различных кишлаков Ниязбекской волости по отдельным классовым группам, получим полное подтверждение правильности нашего положения относительно социально-классовой сущности тех смещений, которые мы наблюдаем здесь в промежутках времени с 1917 по 1920 г. Автор с.х. раздела работы о Ниязбекской волости считает, что одна культура вытесняется другой в зависимости от изменения экономической мощности хозяйства. На самом же деле определяющими направлением хозяйств являются происходящие в деревне классовые сдвиги. Разбивая деревню Ср. Азии на группы — бедняцкую, середняцкую и зажиточную (I, II, III группы в таблице)², получим следующие соотношения посевов хлопка и хлеба (в общем посеве данного хозяйства):

Кишлак	Соц.-экон. группа	Состав культур в процентах		
		Пшеница	Рис	Американский хлопок
Кипчак	I	—	73,1	17,2
	II	—	78,7	16,0
	III	—	79,5	9,3
Кибрай	I	—	17,7	43,3
	II	1,0	39,4	35,6
	III	2,7	39,6	36,0
Чин-Абад	I	10,0	6,2	65,3
	II	20,2	8,7	54,3
	III	30,0	9,5	43,7

¹ В данном случае метод Кожанова (подробно об этом в дальнейшем) выступает против определенной специализации района, подчинения ее определенной действующей системе. Районное хозяйство в его понимании может быть только комплексом, где борются антагонистические системы.

² «Современный кишлак Ср. Азии», вып. I, стр. 50. Сохраняем терминологию автора, у которого кулак совершенно выпадает при этом делении.

Первая — бедняцкая — группа в Чин-Абаде по пшенице дает 10%, вторая — середняцкая — 20,2%, третья — 30%. По хлопку соотношение обратное: у бедняков хлопок составляет 65,3% всех культур, у середняков — 54,3%, у «зажиточных» — 43,7%, отсюда само собой вырисовывается классовое направление развития той или иной культуры в кишлаке. Возьмем рис, который также является товарным продуктом, легко реализуемым на рынке: в первой группе — у бедняков — рис в посевах занимает 6,2%, во второй группе — у середняков — 8,7%, в третьей группе — у «зажиточных» — 9,5%.

Таким образом сдвиги в с.х. культурах волости являются сдвигами классового порядка и отражают не антагонистические сочетания отдельных культур между собой, а классовую борьбу в сельском хозяйстве Ср. Азии. Как авторы подходят к анализу этих данных? Архангельский приходит к следующим выводам. «Относительное преобладание интенсивных культур в полеводстве маломощных групп кишлака объясняется очевидно тем положением, что избыточная рабочая сила (!—А. Б.) этих групп, при недостатке средств производства, находит себе наиболее целесообразное применение в развитии интенсивных культур, поглощающих большое количество рабсилы при небольших сравнительно затратах капитала»¹.

«Производство интенсивных технических культур, в данном случае хлопка, в размерах относительно больших, чем у зажиточной группы, ставит бедняков в большую зависимость от Хлопкома и в связи с этим делает его хозяйство почти исключительно товарно-денежным. Явление иного порядка наблюдается у зажиточной и середняцкой группы, в которых наряду с производством рыночных культур встречается вполне определившаяся тенденция обеспечить свое хозяйство и потребительскими благами» (подчеркнуто мною. А. Б.).

Если таким образом рассматривать направление и перспективы развития бедняцких и зажиточных хозяйств, то последние являются наиболее прогрессивными, бедняцкие же хозяйства, занятые хлопководством, по мнению автора таковыми являться не могут: они почти исключительно «товарно-денежные». Архангельский не понимает, что самая система контрактации уже изменяет понятие товарности продукта, сдаваемого государству: хлопок, сдаваемый Хлопкому, не имеет уже того специфического характера, который имеет товар при обычном рыночном обороте.

Согласно этим взглядам, опирающимся на положение — «интенсификация культур усиливает дифференциацию хозяйств», развитие хлопкового хозяйства не является показателем экономического подъема, разумеется индивидуального хозяйства. Эта точка зрения получила уже практическое применение в кулацких попытках вытеснить хлопок пшеницей. Вытеснение в той или иной степени пшеницей хлопка есть уменьшение нашей сырьевой базы, есть срыв нашего производственного плана. Всякие попытки подчинить специфические особенности ср.-азиатского сельского хозяйства интересам капиталистического развития есть откровенное вредительство, независимо от того, «объективно» или «субъективно» приходят исследователи к кулацким выводам. Вопрос о сельскохозяйственных культурах в Ср. Азии — это вопрос, требующий к себе особого внимания.

Классовая дифференциация кишлака в работах 1926 г.

В дальнейшем исследователи переходят к характеристике социальной дифференциации в кишлаке. У авторов и здесь нет марксистско-

¹ «Современный кишлак Ср. Азии», вып. I, стр. 50—52.

го понимания процесса расслоения нашей деревни. К каким выводам они приходят, изучая статистику сельского хозяйства Ср. Азии, какими методами определения классовых группировок пользуются они? За основу при определении классовых групп в кишлаке берется признак соотношения рабочей силы и средств производства. Если в хозяйстве преобладают средства производства над рабочей силой, его относят в рубрику зажиточного; если между средствами производства и рабочей силой существует известное соответствие («равновесие»), хозяйство относят к числу середняцких; если в хозяйстве преобладает рабочая сила над средствами производства, если в нем происходит процесс отделения рабочей силы от средств производства, оно относится к бедняцким хозяйствам. В качестве же показателей средств производства берется размер посевов и рабочий скот. Этот метод исследования классовой дифференциации, заимствованный у г. Меерсона («Семейно-трудовая теория и дифференциация крестьянского хозяйства»), приводит к искажению действительного положения вещей в сельском хозяйстве, ибо в кулацких хозяйствах, как правило, малодробящихся, не производящих семейных выделов, наличная рабочая сила может преобладать над средствами производства, в силу чего эти хозяйства могут попасть в категорию бедняцких. Этот оппортунистический метод, совершенно затушевывающий классовую систему и формы ведения хозяйства, затушевывающий систему использования и применения труда в сельском хозяйстве, приводит авторов анализа расслоения к затасканным теориям полюсов и вымывания середняка.

Возьмем те же материалы по обследованию Ниазбекской волости. Авторы в итоге своего исследования приходят к следующим выводам: «1)... относительно небольшая группа зажиточных декхан владеет значительной частью средств производства; 2) в группе бедняков отделение рабочей силы от средств производства наблюдается в значительной степени (т. е. растет пролетаризация бедноты. А. Б.); 3) середняцкая группа представляет собой расслаивающуюся группу...¹. Одновременно с этим усиливается концентрация средств производства у бедняков»². Итак по мнению авторов и редакции сборника (1926 г.) середняк расслаивается (вымывается), выделяя полюсы. Отсюда вполне понятен вопрос: в каком же направлении может развиваться сельское хозяйство средне-азиатского кишлака? В направлении единственно растущей группы — зажиточных (так деликатно называет автор кулаков, баев), по пути — капиталистическому. Отсюда разрешение и второго вопроса: кто выживет в этой борьбе — хлопок или пшеница, интенсивная или экстенсивная культура? Процесс интенсификации сельского хозяйства, говорит Архангельский, углубляет дифференциацию сельского хозяйства. Следовательно, развивая интенсивное хозяйство (хлопок), мы способствуем росту бедняков и кулаков, если же развивать хозяйство экстенсивно-интенсивное (хлопко-зерновое), то будет обеспечен рост середняцкого хозяйства. Эта посылка целиком и полностью раскрывает классовое содержание методологии исследователей, отстаивающих в позднейших работах по с.-х. районированию (Пославский, Ярошевич) комплексное хозяйство, высказывающихся против выраженной специализации за сохранение борьбы «антагонистов» — хлопка и хлеба; она является ярким показателем того, как глубоко проникла кулацкая идеология в исследовательские работы, как остра классовая борьба в Ср. Азии.

¹ «Современный кишлак Ср. Азии», выд. I, стр. 47.

² Там же, стр. 50.

Классовая дифференциация кишлака в 1929 г.

Перейдем к характеристике современного кишлака. В 1929/30 г. была организована группа под руководством тт. Гайстера и Карпа по изучению классового расслоения в сельском хозяйстве Средней Азии. На основе сводных статистических работ сельское хозяйство Ср. Азии было расчленено на четыре социальные категории: пролетарские хозяйства, полупролетарские, мелкие товаропроизводители и мелкие капиталистические хозяйства¹. Кулака, бая, в этих категориях не значится. Какая разница между мелким товаропроизводителем и мелким капиталистическим хозяйством? Мелкое товарное производство химически, как говорил Ленин, выделяет капитализм, поэтому оно включает в себя элементы мелкого капиталистического хозяйства, рождая его. Термин «мелкие капиталистические хозяйства» поэтому не является пригодным для противопоставления его понятию «мелкие товаропроизводители». Все эти группы, хотя бы по хлопковым гнездам Узб. ССР в общей массе хозяйств (1,4%), показывают, что под названием «мелкое капиталистическое хозяйство» скрывается кулацкое, байское хозяйство вместе с относимыми сюда же зажиточными середняцкими хозяйствами. Путаная, надуманная группировка, лишь усложняющая анализ путей развития отдельных социальных групп кишлака и аула, приводит к таким же ложным выводам, как и работа проф. Кожанова.

Согласно исследованию 1929 г. в сельском хозяйстве Ср. Азии с 1927 по 1929 г. произошли следующие социальные сдвиги (в процент.):

	Пролетарские	Полупролетарские	Мелкие товаропроизводители	Мелкое капит. хозяйство
Узб. ССР — хлопковые гнезда 4.817 хоз.	-1,7	+0,8	+0,3	+0,6
Узб. ССР — зерновые гнезда 4.215 хоз.	-4,8	+2,0	+0,6	+2,2
Туркм. ССР — по 5 гнездам 3.223 хоз.	-3,9	-8,8	+10,0	+2,7

К чему такая группировка логически приводит и что общего здесь с работами проф. Кожанова? Возьмем хлопковые и зерновые гнезда по Узбекской республике и гнезда по Туркменской республике². Таблицы тт. Гайстера — Карпа показывают по Узб. ССР рост полюсов с уменьшением по сравнению с ними темпов прироста середняцкой (мелкотоварной) группы. По хлопковым гнездам Узб. ССР с 1927 по 1929 г. группы мелких товаропроизводителей выросли на 0,3% при росте мелких капиталистических хозяйств на 0,6% и полупролетарской группы на 0,8%. По зерновым группам рост хозяйств мелких товарных производителей составляет 0,6% при росте группы мелких капиталистических хозяйств на 2,2% и полупролетарской группы на 2,0%. Однако если брать среднее по всем гнездам (исчисление весьма условное), то получится, что примерно из 12 тыс. хозяйств переходит в группу мелких товаропроизводителей 1,63%, а в группу мелких капиталистических хозяйств — 1,85% при значительном уменьшении (-3,47%) груп-

¹ «Коллективизация и классовое расслоение кишлака и аула Ср. Азии». Таблицы и диаграммы. Средазбюро ЦК ВКП(б). Ташкент. 1930 г.

² Та же работа, стр. 57. Таблица скомбинирована по итоговым показателям гнездовой переписи 1929 г. (весенней).

пы бедняцких хозяйств. Если мы и получаем относительный рост группы мелких капиталистических хозяйств (весьма нечеткий по своим очертаниям), то почти такой же относительный рост (а не распад, не расслоение) дает середняцкая группа при падении группы бедняков. Миф о вымывании середняка ломается. Он опрокидывается и другой системой подсчетов т. Гайстера¹.

Принимая количество хозяйств в 1927 г. за 100, мы в 1929 г. будем иметь по хлопковым гнездам Узб. ССР 82,9% пролетарских хозяйств, 101,8% полупролетарских, 100,6% хозяйств мелких товаропроизводителей и 144,1% мелких капиталистических хозяйств. По зерновым гнездам, принимая количество хозяйств в 1927 г. за 100, в 1929 г. будем иметь в пролетарской группе 69,40%, в полупролетарской — 104,4%, в группе мелких товаропроизводителей — 101,6% и в группе мелких капиталистических хозяйств — 195,8%. Правда, эти исчисления дают картину резкого относительного увеличения перехода в группу кулацких или около-кулацких хозяйств (мелкие капиталистические хозяйства).

Коллективизация сельского хозяйства Ср. Азии, протекающая в особенно обостренных условиях классовой борьбы, не только кладет предел этому относительному росту байских групп, но и ликвидирует байство как класс на основе сплошной коллективизации. Однако здесь в исчислениях допущена ошибка, коренящаяся в надуманной дифференциации, в неверных методах определения типов хозяйств (см. с исчислениями Кожанова).

Данные о классовом строении кишлака и аула подтверждают и классовое содержание в движении различных культур. Если в 1927 г. по хлопковым гнездам мы имели зерновых 33,7%, то в 1929 г. зерновое хозяйство в хлопковых гнездах уменьшается до 17,7%. По зерновым гнездам мы имеем зерновых 84,7% в 1927 г. и 89% в 1929/30 г. Вырисовывается быстро растущая специализация в выборе культур отдельных районов Ср. Азии. Внутригнездовое же деление указывает на прямую зависимость роста той или иной культуры от социального типа хозяйства. Мы имеем (по Гайстеру) для подсчета 4 группы хозяйств (пролетарская, полупролетарская, мелких товарных производителей и мелкое капиталистическое хозяйство). В 1927 г. зерновые посевы по хлопковым гнездам этих групп составляли 35,9%, 31,2%, 34,7%; 39,0% ко всему посеву, т. е. зерновые посевы хлопковых гнезд возрастают по мере передвижения к зажиточным группам. В 1929/30 г. соответствующие показатели таковы: 15,8%, 16,3%, 18,5%, 20,1%. Эти цифры говорят о социалистическом наступлении в земледелии, и в них вырисовывается классовое направление в специализирующемся сельском хозяйстве Средней Азии (хлопковые посевы растут за счет зерновых).

В условиях борьбы за наиболее трудоемкие культуры, борьбы за сырьевую базу для нашей социалистической промышленности, в условиях обостряющейся классовой борьбы в республиках Ср. Азии приступили к разработке планов сельскохозяйственного районирования, чтобы разрешить один из наиболее серьезных вопросов социалистического переустройства сельского хозяйства. Эту задачу взял на себя Средне-азиатский институт экономических исследований. Не обеспечив марксистского руководства и израсходовав до 150 тыс. руб., Ин-

¹ Характерно, что статистическая работа тт. Гайстера—Карпа лишена каких бы то ни было комментариев, поясняющих методологические посылки таблиц и качество материалов.

ститут уже в итоге первой стадии работ получил общий коллективный труд профессора буржуа и неонародника¹.

К чему сводится установка проф. Пославского и Ярошевича? К чему сводится их методология, определяющая конкретный план развития с.-х. районирования? Сельскохозяйственное районирование авторами работ рассматривается как самодовлеющий процесс, отделяемый от общей системы экономического районирования. Вопросы районирования и планирования сельского хозяйства Ср. Азии они не связывают поэтому с вопросами социалистической индустриализации хозяйства, не связывают с общей проблемой генерального плана развития всего народного хозяйства Ср. Азии. Чем объясняется такое понимание задач с.-х. районирования? Признавая, что «выбор методологии» зависит от поставленных задач, Пославский различает две фазы развития методологии: 1) она исторически складывалась в тот период, когда сельское хозяйство развивалось преимущественно под влиянием факторов косвенной (рыночной) зависимости каждого хозяйства, и 2) так как сельское хозяйство теперь рассматривается как составная часть «разнородного комплекса» промышленно-сельскохозяйственного, то собственно с.-х. районирование не имеет своей выработанной методологии. Проф. Пославский ищет методологию чистого сельского хозяйства, аграрно-самодовлеющего, не связанного ни с рынком, ни с социалистической индустрией. В этом сказалось то самое «историческое прошлое», которое по мнению Пославского накладывает печать на всякую методологию. И если в своих методологических изысканиях, нашедших литературное оформление в его статье², у него генеральной линией развития сельского хозяйства по существу является эмансипация ее от индустрии, то не менее характерным в работах Ярошевича является агрономический уклон в понимании путей развития сельского хозяйства в Ср. Азии; поэтому например социально-экономическая реконструкция Ярошевичем рассматривается как часть агромероприятий.

В своей работе, отстаивая идею самодовлеющего сельского хозяйства, Ярошевич пишет: «Характерным для проектирования агромероприятий в восстановительный период является, в отличие от дореволюционного периода, более широкий размах агроработы, синтетическая увязка между собой агромероприятий с целью овладения основными рычагами воздействия на сельскохозяйственное производство, включение в план агромероприятий ряда вопросов социально-экономической реконструкции сельскохозяйственного производства, классовая установка агроработы и т. п.»³. Как будто «общественная агрономия» колонизаторов не являлась классовой, не имела классовых установок! И Ярошевич в своей работе дает классовую установку, только не установку пролетариата, рассматривая социально-экономическую реконструкцию не как громадного значения политическое движение в деревне, возглавляемое пролетариатом, его партией, а лишь как мероприятие агрономического

¹ См. работы: Ю. И. Пославский — Районы с.-х. производства Ср. Азии; Н. Ярошевич — К методике районирования агромероприятий в хлопковом поясе Ср. Азии, журн. «Народное хозяйство Ср. Азии», издание Средазэко, № 8, стр. 8—111; Н. Ярошевич — Садоводство и виноградарство Узбекистана, изд. НКЗема Узб. ССР; Ю. И. Пославский — Основные изложения по методике с.-х. районирования. Тезисы, принятые за основу Ср.-азиатским научно-исследовательским институтом САГУ. ИЭИ Ср.-азиатск. Госплана. План работ II стадии по районированию с.-х. производства Ср. Азии.

² См. «Народное хозяйство Средней Азии» № 8, 1930 г.

³ Там же, стр. 82-83 (подчеркнуто мною. А. Б.)

порядка. Разве это не отрицание коренной ломки старых экономических форм и отношений в нашей деревне? Если Пославский, разрабатывая генеральную линию в области районирования, вообще упразднил термин «социально-экономическая реконструкция», то Ярошевич стыдливо этим термином прикрывается, в то же время выдавая с головой свое сменовеховство. Ставя проблему районирования агромероприятий, он следующим образом характеризует задачи агрономии: «Являясь одним из разделов сельскохозяйственной политики, общественная агрономия стремилась изыскать наиболее рациональные методы воздействия на массовое распыление сельскохозяйственного производства в направлении господствующих идей сельскохозяйственной политики страны¹ (подчеркнуто мною. А. Б.). Бесспорно правильная установка, приемлемая для капиталистической реставрации и по мнению ее автора... для советской власти.

Таким образом, находясь в плену у исторического прошлого, они развертывают работу по с.-х. районированию в приемлемом для старой буржуазной профессуры направлении, и до революции работают в духе «господствующих идей»: к ним механически привешиваются лишь социально-экономические моменты новой деревни. В плену этих взглядов оказался и раздел уже отточенного плана второй стадии работ по районированию, долженствующей возглавляться коммунистом т. Карпом. Какого направления данный раздел, об этом красноречиво говорит название его: «Агрикультурное влияние обобществленного сектора на реконструкцию декханского хозяйства». Эта неонародническая установка весьма характерна для всей концепции и Пославского и Ярошевича, в основу своей работы положивших не социально-экономические, а технико-экономические проблемы реконструкции сельского хозяйства. Поэтому если рассматривать в их освещении проблемы Киргизии, Таджикики и т. д.², то найдем все — кормовые ресурсы, продовольственную базу, животноводство, связь технических культур с индустриальной переработкой, освоение новых поливных и богарных земель и т. д., но ни слова не найдем о такой проблеме, как оседание кочевого населения на базе обобществления его хозяйств, как социально-экономическая перестройка хозяйств горцев Таджикики и т. д. И это, как видим, не является случайным.

Стержни методологии

На основе этой общей установки строится и методология. Как мы уже отмечали, Пославским отрицается единая методология. В основе работ его лежит стихийность, сама тек направлений. Формально он считает, что не сначала разрабатывается методология, определяющая практическую работу, а наоборот — только на основе опыта построения и анализа материалов в заключительном варианте работ можно дать законченную методологию³. Вместе с тем он вообще отрицает единую методологию, которую должно заменить «сочетание методических установок между отдельными линиями развития». Если припомнить основное положение Кожанова, который под типом хозяйства понимает «антагонистическое сочетание борющихся систем», то станет понятным, откуда берет свое начало «теория» сочетания различных методологий.

Но методология авторов раскрывается уже в первой части работ. Законченное же выражение она получает в плане второй стадии

¹ «Народное хозяйство Средней Азии», стр. 80.

² Там же.

³ Там же, стр. 9.

работ, в основу которой эта методология и легла. Это — перепев всем известной базаровской триады. Авторы плана учитывают «решающую роль в построении генплана следующих моментов: 1) энергетической реконструкции как ведущего звена всего плана на основе многократного роста производительности труда человека и увеличения его власти над природой в связи с наиболее полным и всесторонним использованием естественных ресурсов страны; 2) создания постоянно-расширяющейся материальной базы, служащей источником удовлетворения всесторонних потребностей трудящихся с устранением противоположности между промышленным и сельскохозяйственным трудом; 3) социальной реконструкции как активно протекающего процесса окончательного изживания и ликвидации докапиталистической и капиталистической зависимости; 4) районирования как метода рациональной организации всего хозяйства Союза». 150 тыс. руб. из отпущенных 300 тыс. руб. на работу они в духе этой триады «разработали».

Это направление методологии отчетливо сказалось в постановке проблем специализации районов, где устанавливаются три основных фактора, предопределяющих по мнению указанных авторов специализацию, — ирригация, кормовые ресурсы и энергетики¹. Прежде всего в условиях средне-азиатского сельского хозяйства между ирригацией и энергетикой нельзя ставить знака различия, ибо ирригация в условиях Ср. Азии является одним из энергетических источников. А если кормовую базу рассматривать в условиях, скажем, киргизского хозяйства, где она является своеобразным сырьем для специфического производства, то ничего в «предопределяющих факторах»² кроме энергетической базы не остается. И совершенно последовательно во всей работе обоих авторов, по их собственному признанию, «прочие факторы — гидроэлектротехнические, индустриальные, транспортные и т. п. — не учтены в достаточной мере»³. «Мы при районировании агромероприятий по возможности (!) учитывали имеющиеся предпосылки для организации переработки сельскохозяйственных продуктов, иначе говоря, возможности развития сельскохозяйственной индустрии»⁴. Отрицая таким образом всякую роль и значение индустрии в специализации районов, они в то же время в основу специализации кладут старую кожановскую теорию «антагонизма культур», определяя специализацию по принципу «процентного соотношения культур»⁵. (Было бы неправильно, если бы мы констатировали у авторов вообще отрицание связи между индустрией и сельским хозяйством, но эта связь мыслится не на основе увеличения ведущего значения индустрии в переустройстве сельского хозяйства, а по линии потребительской связи его с индустриальными центрами)⁶. Рассматривают ли сельскохозяйственное районирование Пославский и Ярошевич, исходя из общих задач перспективного планирования народного хозяйства Ср. Азии? Этих перспектив нет. Да они этой целью, если не считать упоминания о генплане Ср. Азии, пожалуй и не задаются. Бесперспективность и позитивность при рассмотрении явлений в процессе районирования, строгое следование «законом прошлого» являются особенностью этих работ. Лозунг — «теология — примат» является не чем иным, как неизбежной данью «господствующей политике». Ориентируясь на индивидуальное крестьянское хозяйство сегодняшнего дня,

¹ «Народное хозяйство Средней Азии», стр. 12.

² Пославский, там же, стр. 13.

³ Ярошевич, там же, стр. 101 (подчеркнуто мною. А. Б.).

⁴ См. работу Ярошевича «Садоводство и виноградарство».

⁵ Пославский. «Народное хозяйство Ср. Азии» № 8, 1930 г., стр. 19.

на хозяйство кулацкое при наметке специализации каждого «производственно-сводного района», они планируют, определяют типы хозяйств, кладя генетику в основу своих посылок и проектировок. Специализация, пишет Пославский, «устанавливалась на основании анализа состава природных ресурсов и пригодности их служить целям хозяйственного использования в той мере, поскольку учетные особенности позволяют развивать ту отрасль производства, для которой в данных условиях имеются наиболее благоприятные основания (абсолютные размеры и компактность массивов и прочие природные условия, подготовленность населения)»¹.

На фоне этих взглядов, в обстановке все более обостряющейся классовой борьбы особую политическую четкость приобретают установки на характер специализации районов. Спор по вопросу о том, должны ли хозяйства района развиваться на основе применения монокультур или комплекса, — это спор не технический, а сугубо политический. Это по существу борьба за специализацию, против которой со своей работой выступает Ярошевич. Было бы конечно неправильно ставить вопрос в форме или-или — или номенклатура, или комплекс. Дialectическое разрешение вопроса требует понимания того, что развитие монокультуры в данном районе есть выражение специализированного направления развития экономики этого района, в котором другие культуры могут и должны существовать, но как в спомогательные, а не «взаимообслуживающие», обеспечивающие необходимый внутрирайонный оборот или (в районе сплошной коллективизации) снабжение; они могут существовать как элементы, не изменяющие основного направления района. Вот почему район должен быть, скажем, хлопковым, а не хлопко-зерновым, скотоводческим, а не скотоводческо-огородным и т. п. И Пославский, и Ярошевич по-своему правы, ибо они при определении типов и специализации исходят из «сочетания борющихся антагонизмов». Кулак, бай, чью точку зрения они в данном случае отражают, против специализации, особенно в районах хлопкового значения, ибо специализация разрешает «спор» между интенсивными и экстенсивными культурами в сельском хозяйстве Ср. Азии. Как всякий приспособляющийся буржуазный профессор, Ярошевич решил подкрепить свои доводы цитатами из работ Ленина. Те мысли, которые были высказаны Лениным в 1890-х годах, он переносит механически в условия 1930 г. XX столетия и доказывает, что вот я прав, дескать, и Ленин говорит то же. В данном случае использована работа Ленина «Развитие капитализма в России».

«По самой природе земледелия, — писал Ленин, — превращение в товарное производство происходит особым путем, не похожим на отдельные, совершенно самостоятельные отрасли, посвященные производству одного продукта или одной части продукта. Земледельческая же промышленность не раскладывается на совершенно отдельные отрасли, а только специализируется на производстве в одном случае одного, а в другом случае другого рыночного продукта, причем остальные отрасли сельского хозяйства приспособляются к этому (т. е. рыночному) продукту» (подчеркнуто мною. А. Б.). Можно ли сегодня, в современных условиях социалистического переустройства сельского хозяйства, говорить не о специализации районов, а о «наиболее рациональном соотношении в них ряда отраслей для создания районного комплексного сельскохозяйственного произ-

¹ «Народное хозяйство Ср. Азии», № 8, 1930 г., стр. 13 (подчеркнуто мною. А. Б.).

водства»¹. Можно, если держать курс на рыночное хозяйство, за которое ратует своей работой Ярошевич, а не на социалистическое сельскохозяйственное переустройство. Выше мы приводили соображения Архангельского по поводу влияния интенсификации на дифференциацию деревни. И совершенно правильно отмечает т. Лаврентьев ошибки марксистских исследователей, с легкой руки народничающих экономистов, объясняющих кризис мелкого хлопководческого хозяйства... явлениями монокультуры. «Басни о монокультуре, как о факторе обнищания, ничего общего с марксизмом не имеют и являются реакционной народнической выдумкой. Дело не в ней, а во всей системе торгово-ростовщической эксплуатации, которая истощила непосредственных производителей. Стоило уничтожить эту систему, как монокультура превратилась в одну из основ мощного развития производительных сил социалистических республик Ср. Азии»¹.

Характеристика постановки проблемы районирования

Методологией, легкой в основу работ авторов по с.-х. районированию, предопределяется характер постановки ими проблем районирования. Районирование рассматривается ими как задача пространственного порядка, район — как замкнутый хозяйственный организм. Агроуклон — третья особенность этой методологии, — помноженный на теорию замкнутости района, рождает соответственное понимание задач индустриализации. Районирование, как задача пространственного порядка, не выводит авторов из физико-географической ограниченности, ибо в основе районирования в этом случае лежит география района, а не его экономика. Поэтому, взявшись за районирование экономическое, каким является с.-х. районирование, проф. Пославский делает грубую ошибку, ставя перед собой «не районирование чего-нибудь, а районирование самой территории по совокупности всего того, что в пространстве имеется»². Он районировать землю и заодно уже и то, что есть на земле. В развернутом определении районирования он окончательно обнаруживает свое антимарксистское понимание его. «Работа, — пишет он, — направлена прежде всего на дифференциацию пространной территории Ср. Азии с целью «рационального географического разделения труда». Не понимая сущности общественного разделения труда, перерастающего в развитом коллективном хозяйстве, позднее — в хозяйстве социалистическом, в техническое разделение труда, Пославский рассматривает труд не как фактор экономический, а физико-географический; его районирование не есть районирование производства, а районирование абстрактного народонаселения. Отсюда в его понимании нет места районированию как части планирования народного хозяйства для выявления специфических особенностей и направлений района в целях построения плана развития народного хозяйства не только в целом, но и в районном разрезе. Отсюда естественно и неправильное понимание места Ср. Азии во всем народном хозяйстве СССР.

Исходя из пространственных задач районирования сельского хозяйства как основных задач, авторы проектов рассматривают район, как самостоятельный, замкнутый хозяйственный организм. Здесь берут свое начало течения за эмансипацию средне-азиатского хозяйства от ввозного хлеба, за превращение Ср. Азии в район, производящий хлеб. В этих течениях находят свое отражение те же классовые уста-

¹ «Народное хозяйство Средней Азии» Ярошевич, стр. 85.

² В. Лаврентьев. Капитализм в Туркестане, изд. Комакадемии, 1930 г., стр. 123.

новки, что и в борьбе между хлопком и пшеницей. На практике результатом их является замедление процесса расширения хлопковых посевов, в том числе и на богаре, где пока что господствует пшеница. Рассматривая район как «комплекс пространственной связи явлений», замкнутых в границах района, Пославский тем самым экономическую связь между районами отрицает, общественное разделение труда между районами у него исчезает. В этом виден мелкобуржуазный замысел работы по районированию. «Задача районирования, — пишет Пославский, — заключается не в объяснении или проектировании оптимального местоположения отдельного явления или группы их, а в объединении и систематизации причин и условий взаимодействия между расположенными в пространственной близости факторами». Поэтому понятно, что в поисках единицы, из которой можно бы исходить в районировании, авторы ничего, кроме административного района, не находят.

Агроуклон, подпертый своеобразной теорией замкнутости района, приводит к вполне логическому, из всей концепции авторов вытекающему пониманию индустриализации сельского хозяйства. Отрицая по существу ведущую роль промышленности, рассматривая индустрию и транспорт как факторы, обслуживающие сельское хозяйство¹, проф. Пославский рассматривает индустриализацию лишь с точки зрения «разделения производственных функций между мелкими территориями внутри района», считая таким образом одинаковыми роли индустрии и сельского хозяйства. Отсюда, из этой же немарксистской постановки вытекает и то, что задача преодоления разрыва между сельскохозяйственным и индустриальным производством берется проф. Пославским только «в частности». «Эти моменты, — пишет он, — получают лишь косвенное выражение при соответствующей характеристике отдельных районов, причем сама связь между сельским хозяйством и индустрией им рассматривается лишь в плоскости потребности². И это называется подготовкой к генеральному плану развития сельского хозяйства в Средней Азии!

Итог этих работ приводит к отрицанию индустриализации Средней Азии, это — призыв к ее аграрной специализации.

Колхозы и хлопковое хозяйство

Кулацкая идеология работ по сельскохозяйственному районированию нашла не менее яркое отражение и в характеристике коллективизации сельского хозяйства, где мы имеем явную попытку клеветнически опорочить огромные достижения в области обобществления колхозного хозяйства. Несмотря на бешеное байское сопротивление, 27% всех декханских хозяйств Средней Азии в 1930 г. коллективизированы. Именно обобществление хлопковых хозяйств, их укрупнение дает возможность осуществить реконструкцию ирригационной системы, пустить машины по уборке хлопка и тракторы на хлопковые поля, уничтожить старый азиатский способ использования человеческой силы, развернуть на базе обобществления производительные силы Ср. Азии. И в этой борьбе за социализм страна наталкивается на бешеное сопротивление классовых врагов, поддерживаемых буржуазными реставраторами, мечтающими «высвободить» Среднюю Азию от хлеба извне, ослабить, разрушить декханское хозяйство, уготовив почву для байско-манапской власти. Коллективизация сельского хозяйства берется авто-

¹ См. «тезисы» 10 и 5.

² Пославский. «Народное хозяйство Ср. Азии» № 8, 1930 г., стр. 9.

ром работ по с.-х. районированию в функциональной зависимости от технической базы. Исходным его положением в построении проектировок специализации тех или иных районов, как мы уже отмечали, являются наличные условия, возможность развития «в данных условиях», поэтому степень коллективизации становится в зависимости от коэффициентов обеспеченности хозяйств поливными землями. Именно в этой связи самое колхозное движение рассматривается не как движение социально-экономической реконструкции, а как метод простого технического обеспечения хозяйства. «Высокий коэффициент коллективизации (во второстепенных районах хлопководства. А. Б.), — пишет Пославский, — свидетельствует, что колхозное движение является способом преодоления зависимости хозяйств от неблагоприятных природных условий, борьба с которыми облегчается в случае объединения группы хозяйств»¹ (подчеркнуто мною. А. Б.). Следовательно в районах по своей природе благоприятных, скажем в богарно-обеспеченных районах с зерновыми хозяйствами, для коллективизации нет побуждающих причин. Авторы теории самотека в процессе обобществления сельского хозяйства нашли в лице проф. Пославского достойного защитника. Совершенно не случайно в качестве объекта для изучения взяты данные коллективизации сельского хозяйства по Киргизии, где, кстати сказать, районы хлопкового хозяйства составляют по отношению ко всему средне-азиатскому хлопковому хозяйству лишь 4-5%.

Сводная таблица показателей процессов обобществления

Типы с.-х. районов	Процент с.-х. коллективизации (хозяйств)		Обеспечение на 1 колхоз рабочим скотом		Количество хозяйств на 1 колхоз	
	Основные	Смешанные	Основные	Смешанные	Основные	Смешанные
Хлопковые	Киргизия	—	—	17,88	—	44,0
	Туркмения	21,5	6,5	79,7	—	88,0
	Таджикия	—	28,9	—	28,8	—
Технич. культуры без хлопка	Киргизия	—	—	—	—	—
	Туркмения	46,6	—	52,0	—	57,0
	Таджикия	—	—	—	—	—
Разные культуры	Киргизия (северн.)	49,4	—	76,34	—	74
	Туркмения	30,2	—	82,4	—	101,1
	Таджикия (богарные)	4,5	—	35,5	—	35,0
Скотоводческие	Киргизия (северн.)	38,1	—	198,72	—	166
	Туркмения	—	—	—	—	—
	Таджикия	—	—	—	—	—
		нет		свед	ений	

Исходя из характеристики цифровых показателей по материалам обследования 1930 г., где процент коллективизации растет от хлопковых земель к другим культурам, Пославский приходит к выводу, что «наибольший процент коллективизации присущ районам технических

¹ Пославский «Народное хозяйство средней Азии» № 8, 1930 г. стр. 60.

культур и скотоводческим», что «колхозы в районах хлопковых вообще отличаются малыми размерами и очень низкой обеспеченностью рабочим скотом. Наоборот в районах нехлопковых обычно бывает большой размер колхоза по числу хозяйств и по количеству стада и даже по площади»¹. Коллективизация сельских хозяйств в Киргизии представляет собой событие особой специфической важности в истории киргизского крестьянина. Идя по пути первичных форм обобществления, создания союзов по совместным выгонам и пастбищам, кочевое киргизское население через процесс обобществления переходит к оседлости. Этот процесс громадной исторической важности носит особые, отличные от полеводческого хозяйства черты. Здесь на основе совместного пастбища объединяются огромные стада. Поэтому даже самая элементарная добросовестность не позволяет сравнивать размеры обобществленного скота скотоводческих (основных) районов Киргизии и хлопковых. Но автор приходит к другим выводам. По его мнению «существует ряд благоприятных предпосылок для реконструкции именно тех районов, в которых ярко вскрывается функциональная роль Киргизстана в межрайонном делении труда»² (подчеркнуто мною. А. Б.).

Однако анализ социального состава колхозов хлопковых районов вскрывает внутреннее содержание оценки обобществления хлопковых хозяйств Пославским. Не функциональная зависимость, а итоги классовой борьбы определяют темпы и пути обобществления. Пославский оценивает хлопковые колхозы как менее мощные, не рентабельные. Но он не может не признать, что основную роль в колхозном движении играют бедняцкие и середняцкие районы.

Мы не останавливаемся на остальных положениях Пославского — Ярошевича. Под предлогом с.-х. районирования, последовательно развивая старые буржуазные концепции о путях развития сельского хозяйства, они взяли на себя труд, — а это вытекает из всех их работ, — доказать, во-первых, что хозяйство Ср. Азии не должно идти по пути хлопковой специализации (а уже в 1928/29 г. удельный вес хлопка в полеводческой продукции Ср. Азии составлял 35,4%, посевная же площадь под хлопком сейчас вдвое превышает довоенную, хотя и отстает от намеченного плана); во-вторых, что дальнейший путь развития хозяйства Ср. Азии — это путь не индустриализации, а ее аграризации; в-третьих, что плановые перспективы можно строить лишь, исходя из данных условий и в данный момент, не задаваясь перспективами отдаленными; в-четвертых, что процесс коллективизации находится в прямой зависимости от технических и природных условий, предопределяющих темпы коллективизации, что тем самым, в-пятых, надо опираться на крепкое, мощное байское хозяйство, как хозяйство более прогрессивное, более способное к борьбе за свое существование в условиях (иных не мыслят) товарного рынка.

Таковы основные итоги работ этих представителей буржуазно-реставраторских взглядов. Велась ли с ними борьба? Помещая статьи в журнале, являющемся органом средне-азиатского Экосо, редакция сделала примечание, отметив мало значащие в данном случае частности, о которых не сказано Пославским и Ярошевичем (например о социальной структуре каждого района, его товарной массе, технической вооруженности и пр.), но ничего не отметив о том, что сказано Пославским и Ярошевичем. Оба они являются не только руководителями Института экономических исследований при Ср.-аз. Госплане

¹ Пославский. „Народное хозяйство средний Азии“ № 8, 1930 г. стр. 58-59.

² Там же, стр. 58.

(зам. директора), но и руководителями кафедр в САГУ. Им доверена подготовка кадров будущих работников и организаторов систематически перестраивающегося сельского хозяйства. В этом не меньшая угроза, чем во всей вредительской (не важно — объективной и субъективной) работе по с.-х. районированию.

Работы Пославского и Ярошевича и других подтверждают, что одним из существенных прорывов на участке экономического районирования является недостаток кадров, которые осветили бы вопросы в духе генеральной линии партии. Проблема экономического районирования является актуальной проблемой каждой республики. Эти вопросы ставят Закавказье, Сибирь, Белоруссия, Западная область, ставит каждая область, ибо они неразрывно связаны с генеральным планом развития народного хозяйства СССР.

Уроки Ср. Азии сигнализируют о большом неблагополучии на этом участке исследовательских работ и с большей остротой еще раз ставят вопрос о необходимости мобилизации марксистско-ленинских научных сил на фронте экономических исследований по планированию.